

ГОЛЫШЕВ С.Д.

Мой сын — даун*

■ ПРЕДИСЛОВИЕ

Мало найдется писателей, которых не интересовала бы детская тема. Почему для многих она так многозначительна? Не потому ли, что все мы, взрослые, родом из детства.

«Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их отношении. Я возьму отцов и детей по возможности из всех слоев общества и прослежу за детьми с их самого первого детства», — писал когда-то Федор Достоевский.

Когда у меня родился сын с синдромом Дауна, я задумался о том, какое значение имеет детство для детей с отклонением от обычной нормы. Ведь это — «другие» дети. И мой ребенок относительно детей его возраста «другой» ребенок. С его появлением во многом переменялось и тоже стало «другим» мое восприятие мира. Люди с синдромом Дауна считались глубоко умственно отсталыми и в

силу этого трудно обучаемыми. Но применение современных учебных программ позволяет опровергнуть эту точку зрения. Мы с женой старались делать всё, что в наших силах. Добились ли мы каких-то результатов? Вероятно — да. Наша глобальная задача — социально адаптировать нашего ребенка.

Моя книга — повесть о маленьком человечке. Человечек этот и есть мой сын. Почему я взялся за перо? Не знаю. Так получилось. Но всё в повести держится одной маленькой надеждой, что люди изменят свое отношение к таким людям, как мой сын.

* * *

Я долго прятал все свои мысли об этом глубоко в сердце, как в подземной крипте. Я не мог даже и подумать о том, что когда-нибудь посмею описать, что происходило в моей жизни после рождения моего младенца. Повесть во многом автобиографичная. Образы отца и матери — собирательные. Хочу добавить, что эта книга — мой первый опыт в прозе.

* Сергей Голышев — художник и поэт. Он отец Николая Голышева, чьи стихи редакция публикует во второй раз. Отрывки из книги с сокращениями печатаются с разрешения автора. Книга «Мой сын — даун» вышла в изд-ве «Смирение», 2009 г

* * *

■ ПЕРВЫЕ ДНИ

В первый же день дома Коля отказался от груди матери, поэтому Галине приходилось сцеживать грудное молоко в банку и кормить ребенка из бутылочек. Это было тяжело и неудобно. Сколько она намучилась с этими молочными склянками – одному Богу известно. Так продолжалось вплоть до Пасхи.

На Пасху Коленку причастили. Принесли домой, собрались кормить ребенка. Открыли холодильник, чтобы достать подготовленную раньше изрядно надоевшую банку с грудным молоком. И вдруг – ах! Бутылка выскользнула из рук и вдребезги разбилась, прыснув брызгами драгоценного молока. Галя с ужасом смотрела на молочную лужу с торчащими из нее осколками стекла. Младенца кормить было нечем. Времени нацедить новую порцию молока не было...

Все голодные младенцы начинают напоминать о себе громким плачем. И Галина решается на отчаянный шаг – без всякой надежды на удачу сует грудь в ротик младенцу. Секунда размышления самого малыша из-за непривычной соски показалась вечностью. И вдруг, к общему восторгу, Коля с жадностью начал сосать материнскую грудь. Врожденный инстинкт с Божьей помощью победил. Этот случай они так и назвали – чудо на Пасху. Если бы бутылочка вовремя не разбилась, то еще не скоро родители догадались бы вернуться к естественному способу кормления малыша. Надо ли говорить, как это их обрадовало и ободрило.

– Какая умница! – в один голос похвалили они сына.

Малыш оказался на удивление подвижным. Так, позже, едва научившись переворачиваться со спинки на животик, он тут же и пополз. А как только научился ползать, каждый день обяза-

тельно переползал из комнаты через прихожую в ванную, где находился пылесос – особый объект его внимания. Коля удивленно тарашил глазки на этот странный прибор, когда его включали. Он хлопал по нему ручкой, внимательно оглядывал со всех сторон, а потом довольный уползал обратно в комнату. По всему было видно, что пылесос не пугал его. Ползал Коленька много, быстро и ловко, постоянно таская с собой игрушки и разные посильные предметы. А однажды он утащил с собой целый батон белого хлеба: молча исчез с ним, как бесстрашный разведчик с ценнейшим трофеем. Галина обнаружила пропажу не сразу, а Сергей нашел ребенка с батончиком в другой комнате. Тот терзал батончик едва прорезавшимися зубками, как птенец ястреба свою первую добычу. Это было удивительное и неожиданное зрелище. Первый младенческий азарт: он сам добыл себе хлеб.

– Не пропадет, – решили родители.

Сергей, как мог, лелеял свою несуразную кроху и по нескольку раз в день молился за младенца. Неожиданно для себя он сочинил сыну колыбельную песню, под которую малыш любил засыпать.

А было все так... В один из чудесных воскресных дней Сергей и Галина вместе с Колей после причастия вышли из храма. Сергей нес младенца на руках. В это время с колокольни полился сильный и красивый звон, который постепенно заполнил собой всю округу. Даже синее небо над головой стало ярче. И прямо под этот звон Коля неожиданно крепко заснул. Сергея это удивило и вдохновило, и получилась колыбельная песенка:

*В колокольный звон
Самый цепкий
Умладенцев сон,
Самый крепкий.
Ветер волоком*

*Листья тащит.
Время волком
Глаз таращит.
Но слетает звон
С колоколенки,
Для младенца он –
Для Николеньки.
В небе облако,
Словно птенчик.
Звонче, колокол –
Спи, младенец.*

Под эту песенку Коля засыпал легко. Может, поэтому, когда он просыпался, первое его слово было «папа».

Сергей часто выгуливал малыша в скверике, который находился рядом с домом. Он с помощью Галины укладывал ребенка в детскую коляску и вез его туда, чтобы окунуться в мягкие тени деревьев. Там нежно брал легкого, как пушинка, малыша на руки и прохаживался с ним по дорожкам. Удивительно, но от ребенка исходила какая-то необъяснимое тепло любви. Он словно питал им Сергея и Галину. Сынишка стал для них настоящим сокровищем.

Однажды, когда Сергей в очередной раз прогуливался с малышом по избранному скверу, к ним подошла неизвестная женщина и сказала:

– Давно за вами наблюдаю. Разве может так мужчина любить младенца?

Сергею почему-то вспомнились слова Пастернака, что в каждом уважающем себя мужчине должно быть что-то материнское, и высказывание Серафима Саровского, обращенные к священникам:

– По отношению к пастве надо быть больше матерью, чем просто отцом.

И Сергей не без иронии возразил этой незнакомой женщине:

– Да вы посмотрите – некоторые любят с не меньшим усердием своих домашних собак, кошек и морских свинок.

* * *

...Коля рос, как и все дети, ничем не отличаясь от младенцев-сверстников. Когда он стал ходить, его стали выводить на детскую площадку с огромной песочницей. Коля любил повозиться в песке, любил качели. Но самое большое удовольствие он получал, слушая сказки, рассказы, стихи, отцовские придумки.

Родители перечитали сыну почти всю детскую классику: сказки Пушкина, Гаршина, Пришвина, Толстого, Чуковского, Михалкова и других писателей, сказки разных народов. И Коля не просто слушал – он запоминал всё и ежедневно просил родителей рассказать ему еще хоть одну новую историю.

Однажды Сергей подсмотрел, как Коля (уже подросший) подошел к лежащей на столе книге сказок Пушкина, нежно погладил ее своей ручкой и произнес с благоговением:

– Хороший Пушкин, хороший...

Они приобрели для малыша магнитофон и массу аудиокассет с записанными на них сказками и стихами. Научившись включать его самостоятельно, ребенок слушал их постоянно,

Сергей под воздействием обаяния сына сам пытался что-то сочинять и придумывать для него, и это помогало налаживать с ребенком более тесный контакт. Так, неожиданно, у Сергея родилась первая детская история в стихах. Вдохновителем сочинительства, конечно же, был Коля. Однажды, когда сын еще только начал говорить, Сергей услышал от него нежданное умилившее его словосочетание:

– Ай! Бобо!

При этом Коля показал, что ушиб свою ручку.

Сергей сразу вспомнил «Айболита» Чуковского. «Айбобо» – явно родственное слово. Так в душе Сергея вспыхнула искорка «Айбобо», которую заронили и Коля, и Корней Чуковский, и Айболит.

**ДЕТСКИЙ
ДОКТОР АЙБОБО**

Сыну Николке

1

Из Африки далекой
С широкой Лимпопо
Приехал к Айболиту
Внучонок Айбобо.
И был он тоже доктор.
Лечил же не зверей,
А только самых маленьких,
Да, маленьких детей.
И детки шли лечиться
К нему почти бегом
С царапиной и с шишкой,
И просто с синяком.
Держал он под рукою.
Зеленку, бинт и йод.
Лечил светло и смело,
Лечил, пока болело,
Свой маленький народ.

2

Но как-то раз однажды
Пришли к нему в слезах
Родители детишек
И жаловались: «Ах!
Ах, добрый детский доктор,
Наш доктор Айбобо,
Сегодня наши детки
Нежданно забо-бо...
Нежданно заболели
И все с утра подряд
Лежат, лежат в постели.
Конфеток не едят.
В игрушки не играют.
Не пьют компот и сок.
Не радуются солнцу
И смотрят в потолок.
Ах, доктор, помогите
И деток излечите».
Как ветер с Лимпопо,
Поднялся Айбобо.
И побежал скорей
Лечить больных детей.

3

Пришел он и увидел,
Что детки все лежат,
Не радуются солнцу,
Конфеток не едят.
Вокруг же них болезни
И вирусы – как дым:
Едят глазами деток
И тянут лапы к ним.
Стал Айбобо скорей
Лечить больных детей.
Давал он им микстурку,
Чтоб сбить температуру.
И градусники ставил.
Жалел и обнимал.
Рассказывал им сказки
И в щечки целовал.
А вирусам-болезням
Без устали твердил:
«Сейчас же убирайтесь,
пока вас не побил.
Сейчас же уходите
И деткам не вредите».
Он гнал их шваброй-щеткой.
Он гнал их и щекоткой.
Он гнал их кочергой
И попросту ногой.

4

Но самый вредный вирус
Всему наперевес
Проворно и ужасно
Вдруг вырос до небес.
Над елочкой зеленой
С ухмылочкой в усах

Стоял он, как бочонок
На тоненьких ногах.
И зарычал он громко,
Разбойник и злодей:
«Сейчас схвачу и съем я
всех маленьких детей!»
Родители всплеснули
Руками – вот беда!
И сразу стали прятать
Детей – кого куда.
Кого-то – под подушку,
Кого-то – под кровать,
Под стул, под одеяло,
Чтоб вирусу не дать.
Но Айбобо, как доктор,

Хоть ростом был и мал,
Его не испугался
И с ним бороться стал.
Позвал друзей на помощь.
И тут издалека
Пришли – головка лука
И долька чеснока.
Они на этот вирус
Во весь опор и пыл,
Во всю грудную клетку
Дыхнули, что есть сил.
И луково-чесночный
Бессмертный аромат
По вирусу ударил.
И вирус был не рад –
Он страшно испугался.
Да так, что сей же час
С испуга попытался
Надеть противогаз.
Но тут его метлою
Наш Айбобо погнал.
И вирус этот страшный

Зигзагом побежал.
От страха он мяукал
И лаял, словно бес.
Все меньше становился.
Под камешек залез,
И, наконец, исчез.
Наш добрый детский доктор,
Наш Айбобо вздохнул.
Метлой на всякий случай
Еще разок махнул.

5
И вылечил он деток.
Болезни все прогнал.
От радости он прыгал
И деток целовал.
Пришел на этот праздник
И доктор Айболит.
Со всеми веселился,
Хоть был и знаменит.
Поздравил веско внука.
Поставил высший балл.
Поздравил – как коллега,
Как дед – поцеловал.
И радовались также
Родители детей.
Смеялись, как умели.
Смеялись, как хотели.
И пели без затей.
Друг друга обнимали.
От радости кричали,
Кричали, что есть сил.
А ветер доносил
До Африки далекой,
До самой Лимпопо:
«Ура» – и Айболиту,
«Ура!» – и Айбобо. ■

Продолжение следует.